

*Н.В. ЛАТОВА,
Ю.В. ЛАТОВ*

“Столицецентризм” как причина социального неравенства в российской системе высшего образования*

Социальное неравенство в доступе к качественному высшему образованию во многом связано с неравномерностью развития регионов России. Два самых крупных города страны и прилегающие к ним области сконцентрировали четверть всей российской инфраструктуры, обеспечивающей доступ молодежи к высшему образованию. В столичные вузы поступают, главным образом, молодые люди, проживающие в этих же регионах, – примерно восьмая часть всей студенческой молодежи России. Кроме того, качество образования в столичных университетах заметно выше, чем в региональных. У региональных вузов слабее связи со сферой науки, поэтому они часто дают менее качественное образование, чем столичные вузы. Магистральным путем решения этой проблемы – децентрализация развития науки в России.

Ключевые слова: социальное неравенство, высшее образование, “столицецентризм”, научные кадры, межрегиональная дифференциация.

The social inequality in access to qualitative high education in many respects is connected with irregular development of the regions in Russia. Two largest cities of the country and nearby areas concentrate 1/4 of all Russian infrastructures ensuring the access of the youth to high education. Approximately 1/8 of all young people, mainly living in the same regions, can enter high schools situated in the capital. Besides that, the quality of education at metropolitan universities is much higher than in regional universities. The regional high schools have weaker connections with the scientific sphere, therefore they often give less qualitative education than metropolitan high schools. The main way of the decision of this problem is the decentralization of science development in Russia.

Keywords: social inequality, high education, “capital-centrism”, scientific staff, interregional differentiation.

Еще в середине XX в. проблема социального неравенства в сфере образования в большинстве стран рассматривалась в основном через противопоставление элитарного образования массовому. Постепенно в ответ на требования предоставить равные возможности для получения знаний представителям групп различных (прежде всего, этнических) меньшинств и низших классов высшее образование получило широкое распространение в большинстве европейских и наиболее развитых восточных стра-

---

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-03-00247а “Непрерывное образование, человеческий капитал и социально-экономические неравенства в период трансформаций”).

Латова Наталья Валерьевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии РАН.

Латов Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Академии управления МВД РФ.

нах. Советский Союз в этом процессе оказался на несколько десятилетий “впереди планеты всей”: как отмечал Н. Смелзер, распад элитарного образования в России произошел заметно раньше, чем во многих других странах [Смелзер, 1998, с. 438]. В наши дни право “слабых” на получение качественного высшего образования снова оказывается под вопросом.

Доступность высшего образования: количественный аспект

Казалось бы, оснований для беспокойства нет, поскольку за последние десятилетия система высшего образования в России продолжала расширяться. Количество государственных высших учебных заведений (находящихся в федеральной собственности и в собственности субъектов Российской Федерации) в 1995–2008 гг. увеличилось на 15% – с 561 вуза в 1995 г. до 645 в 2008 г. Одновременно с увеличением количества учебных заведений выросла (причем заметно сильнее) и численность студентов. Если в 1995 г. численность студентов России равнялась 2632,5 тыс., то к 2008 г. она выросла в 2,3 раза, составив 6114,1 тыс. человек [Образование... 2006, с. 370, табл. 7.4.1; Образование... 2010, с. 350, табл. 8.3.1]. Означает ли такое увеличение контингента вузов, а следовательно, расширение доступа к высшему образованию, одновременное уменьшение социального неравенства в данной сфере?

Для понимания актуальности обозначенной проблемы в российских масштабах обратимся к статистике распределения высших учебных заведений по субъектам Российской Федерации (см. табл. 1). На начало 1995/1996 учебного года на долю столичных регионов¹ приходилось 24,3% всех университетов страны. К 2008/2009 учебному году данный показатель немного увеличился и составил 26,5% от общей численности вузов в стране. Таким образом, два самых крупных города страны и прилегающие к ним области “оттянули” на себя четверть всей российской инфраструктуры, обеспечивающей доступ молодежи к высшему образованию. Молодежь, проживающая в Москве и Санкт-Петербурге (либо хотя бы где-то рядом с этими городами), имеет гораздо более высокий уровень доступа к высшему образованию по сравнению с молодежью всех остальных областей России².

Сильная количественная диспропорция периферийной и столичной инфраструктуры высшего образования еще заметнее при сопоставлении соотношения численности потенциального контингента (то есть выпускников государственных и муниципальных дневных общеобразовательных учреждений) этих структур по субъектам Федерации (см. табл. 2). В 1995 г. потенциальный контингент вузов Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области составил лишь 13,1% от общего числа выпускников государственных и муниципальных дневных общеобразовательных учреждений страны, к 2008 г. данный показатель уменьшился до 12,1%. Следовательно, существенные преимущества в доступе к высшему образованию (четверть всех возможностей) имеет довольно небольшая группа молодежи (примерно 1/8).

¹ Под столичными регионами понимаются Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области.

² Неравенство шансов получить высшее образование могло бы сглаживаться, если бы приезжающие в столичные города абитуриенты из других районов имели, как минимум, широкие возможности проживать в студенческих общежитиях. Такие возможности есть, но широкими их не назовешь. Цены на жилье в столичных городах России очень высоки: в частности, Москва относится к числу городов мира с самой высокой платой за аренду квартир (стоимость ежемесячной аренды малогабаритной квартиры в “спальном” районе превышает 25 тыс. рублей). В отличие от многих развитых зарубежных стран, в вузах России иногородним студентам не оказывают какого-либо содействия при найме жилья вне общежитий. Сочетать учебу в вузе с работой студенты, как правило, не могут, поскольку в современной России нет института систематических студенческих подработок. В таких условиях иногородние студенты даже из семей среднего класса могут надеяться только на проживание в студенческих общежитиях. Об ухудшении обеспеченности общежитиями свидетельствует тенденция к снижению жилой площади в общежитиях в расчете на одного студента: если в 1998–1999 гг. на одного студента очной формы обучения приходилось 8,6 м², то в 2004–2007 гг. – 7,9 м² (см. [Образование... 2006, с. 205; Образование... 2011, с. 178]).

Число высших учебных заведений по субъектам Российской Федерации
(на начало учебного года)

Группа	Местонахождение	1995/1996 гг.		2008/2009 гг.	
		Количество	%	количество	%
Столичные регионы	Москва	84	5,2	110	4,6
	Московская область	12	4,2	14	4,0
	Санкт-Петербург	42	2,6	49	2,4
	Ленинградская область	–	1,1	2	1,1
	Всего	138	24,3	175	26,5
Периферийные регионы	Центральный федеральный округ	71	12,5	88	13,3
	Северо-Западный федеральный округ	26	4,6	27	4,1
	Южный федеральный округ	71	12,5	77	11,7
	Приволжский федеральный округ	103	18,1	119	18,0
	Уральский федеральный округ	43	7,6	53	8,0
	Сибирский федеральный округ	82	14,4	84	12,7
	Дальневосточный федеральный округ	35	6,2	37	5,6
	Всего	430	75,7	485	73,5

Составлено по [Образование... 2006, с. 410–412 (табл. 7.4.40); Образование... 2010, с. 402–404 (табл. 8.3.40)].

Учащиеся, получившие аттестат об основном общем образовании
в государственных и муниципальных дневных общеобразовательных
учреждениях по субъектам Российской Федерации (тыс. человек)

Группа	Территориальное местонахождение	1995 г.		2008 г.	
		Численность	%	численность	%
Столичные регионы	Москва	96,2	5,2	59,2	4,6
	Московская область	77,3	4,2	50,9	4,0
	Санкт-Петербург	48,2	2,6	31,3	2,4
	Ленинградская область	20,2	1,1	13,5	1,1
	Всего	241,9	13,1	154,9	12,1
Периферийные регионы	Центральный федеральный округ	272,9	14,8	172,5	13,5
	Северо-Западный федеральный округ	111,4	6,0	67,6	5,3
	Южный федеральный округ	267,9	14,5	229,5	17,9
	Приволжский федеральный округ	416,1	22,5	286,9	22,4
	Уральский федеральный округ	159,9	8,6	118,3	9,2
	Сибирский федеральный округ	280,5	15,2	192,3	15,0
	Дальневосточный федеральный округ	98,7	5,3	60,0	4,7
	Всего	1607,4	86,9	1127,1	87,9

Составлено по [Образование... 2006, с. 261–263 (табл. 6.2.30.); Образование... 2010, с. 247–248 (табл. 7.2.22)].

Доступность высшего образования: качественный аспект

Другая сторона проблемы доступности высшего образования – его качество. И здесь мы снова сталкиваемся с межрегиональными проявлениями социального неравенства в сфере образования. Чтобы оценить данный аспект проблемы, обратимся к национальным рейтингам российских вузов и остановимся на двух наиболее популярных из них.

Первый мониторинг в сфере качества образования проводится совместно РИА “Новости” и сотрудниками Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики. Данный мониторинг посвящен качеству приема в высшие учебные заведения. Разработчики рейтинга подчеркивают, что предложенная ими методика не является полноценным инструментарием для выявления качества образования в том или ином вузе, так как “в оценке работы вузов есть еще такие факторы, как научные достижения, социальная среда, которую вуз предоставляет студентам, и, конечно, основной критерий качества – карьера и зарплата выпускников” [Старцев, 2011]. Тем не менее данный рейтинг может рассматриваться как косвенное подтверждение качества образования, которое абитуриенты ожидают получить в том или ином вузе.

Согласно данным за 2010 г. (выборка 478 российских вузов), среди 20 вузов, в которых качество приема было наивысшим, 11 (то есть 55%) – столичные (см. табл. 3).

Таблица 3

Качество приема в вузы (средние баллы ЕГЭ в расчете на один предмет)

	2010 г.		2011 г.	
	Вуз	Средний балл ЕГЭ	Вуз	Средний балл ЕГЭ
Столичный вуз	Московский физико-технический институт (МФТИ)	86,7	МГИМО	92,9
	Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)	85,8	МФТИ	90,0
	НИУ-ВШЭ	82,8	Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)	85,5
	Финансовый университет при Правительстве РФ	82,2	Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина (МГЮА им. О.Е. Кутафина)	85,5
	Всероссийская академия внешней торговли, Москва	81,8	НИУ ВШЭ	85,2
	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ)	81,6	МГУ	84,6
	Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова (СПбГМУ)	81,6	СПбГМУ	84,4
	Первый государственный московский медицинский университет им. И.М. Сеченова (Московская медицинская академия им. И.М. Сеченова) (Первый МГМСУ)	79,8	МГМСУ	84,3
	Российская академия правосудия	79,5	Первый МГМУ	83,3

Таблица 3 (окончание)

	2010 г.		2011 г.	
	Вуз	Средний балл ЕГЭ	Вуз	Средний балл ЕГЭ
Столичный вуз	Московский государственный медико-стоматологический университет	78,7	Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова (РЭА им. Г.В. Плеханова)	82,3
	Российская таможенная академия	77,8	Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)	82,2
			Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина (РГУ нефти и газа)	82,0
			Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (СПбГУЭФ)	81,2
			Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (бывшая АНХ)	81,1
			Санкт-Петербургская государственная педиатрическая медицинская академия (СПбГПМА)	80,0
			Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)	79,4
Провинциальный вуз	Воронежская государственная медицинская академия им. Н.Н. Бурденко, Воронеж	82,5	ДГМА	81,9
	Кубанский государственный медицинский университет, Краснодар	81,4	Самарский государственный медицинский университет (СамГМУ), Самара	80,4
	Ставропольская государственная медицинская академия, Ставрополь	80,9	Ростовский государственный медицинский университет (РостГМУ), Ростов-на-Дону	79,8
	Уральская государственная юридическая академия, Екатеринбург	80,4	Уфимский государственный нефтяной технический университет (УГНТУ), Уфа	79,2
	Дагестанская государственная медицинская академия (ДГМА), Махачкала	79,7		
	Башкирский государственный медицинский университет, Уфа	78,8		
	Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова, Рязань	78,3		
	Нижегородская государственная медицинская академия, Нижний Новгород	78,2		
Смоленская государственная медицинская академия, Смоленск	78,2			

Составлено по http://ria.ru/ratings_academy/20110914/436730775.html; http://ria.ru/ratings_multimedia/20100902/271380235.html.

Сводный рейтинг выборки университетов России за 2010 год

	Вуз	Оценка
Столичный вуз	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	100
	Национальный исследовательский университет МФТИ	79
	Санкт-Петербургский государственный университет	79
	Российский университет дружбы народов	71
	Национальный исследовательский ядерный университет “МИФИ”	66
	Московский национальный исследовательский технический университет им. Н.Э. Баумана	65
	Санкт-Петербургский национальный исследовательский политехнический университет	63
	Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена	57
	Национальный исследовательский технологический университет МИСиС	57
Провинциальный вуз	Новосибирский национальный исследовательский университет	67
	Томский национальный исследовательский университет	67
	Южный федеральный университет	63
	Сибирский федеральный университет	63
	Казанский национальный исследовательский технологический университет	61
	Томский национальный исследовательский политехнический университет	59
	Уральский федеральный университет (Уральский государственный технический университет) им. первого Президента России Б.Н. Ельцина	58
	Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского	58
	Казанский (Приволжский) федеральный университет	57
	Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева	56
	Иркутский национальный исследовательский технический университет	56

Составлено по http://univer-rating.ru/rating_common.asp?per=3.

По данным 2011 г. (выборка 359 вузов), среди 20 вузов с наиболее качественным приемом доля столичных вузов увеличилась, составив уже 16, то есть 80%. Уместно вспомнить ту оценку результатов изменений, произошедших в приеме абитуриентов в вузы, которую дал министр образования и науки РФ А. Фурсенко, справедливо отметив, что “в сильных вузах по сравнению с прошлым годом прием улучшился, а в слабых – ухудшился” (цит. по [Старцев, 2011]). Снова мы видим, что неравенство не сглаживается, а увеличивается.

Инициаторами второго рейтинга выступили Международная информационная группа “Интерфакс” и радиостанция “Эхо Москвы”. Этот рейтинг построен на шести показателях (образовательная, научно-исследовательская, социализаторская и международная деятельность вуза, а также бренд вуза, инновации и коммерциализация разработок), в 2010 г. он включил 104 вуза. Данные по 20 лучшим вузам свидетельствуют, что среди них львиная доля – 9 вузов (45%), относятся к группе столичных высших учебных заведений (см. табл. 4).

Итак, можно констатировать, что среди лучших вузов России по крайней мере половина расположена в Москве и Санкт-Петербурге. Количественный и качественный аспекты проблемы доступности высшего образования образуют синергетический эффект. С одной стороны, молодежь, проживающая в столичных регионах, имеет больше шансов поступить в высшее учебное заведение за счет их концентрации в столичных регионах. С другой стороны, у этой же молодежи есть преимущество в получении более качественного образования, так как столичные вузы одновременно и более силь-

ные. Это и есть “столицецентризм” – гипертрофированная концентрация социальных преимуществ в столичных регионах.

Проблему доступности высшего образования с точки зрения количественного аспекта должна была, казалось бы, решить отмена традиционного экзамена в высшие учебные заведения. Действительно, введение правил поступления в вузы на основе результатов ЕГЭ способствовало повышению мобильности ряда абитуриентов [Попов, 2010]. Однако в целом ЕГЭ не стал панацеей социальному неравенству в сфере высшего образования. Об этом свидетельствуют данные исследования, проведенного Институтом социологии РАН в мае 2009 г.: “...большинство родителей в селах и поселках... полагают, что ЕГЭ не облегчил выпускникам районных и сельских школ доступ к высшему образованию” [Горшков, Шереги, 2010, с. 353].

Основная причина такой реакции со стороны целевой группы реформ в сфере образования – недостаточный для поступления в вузы уровень подготовки выпускников сельских школ (особенно по сравнению с выпускниками городских школ) и даже очень многих городских школ в российских регионах. Кроме разницы в уровне школьной подготовки, не следует сбрасывать со счетов и наличие материальных барьеров: далеко не каждому абитуриенту из провинции “по карману” обучение в столичном вузе.

“Столицецентризм” в размещении научных кадров как фактор неравенства в доступе к высшему образованию

Поляризация образовательной демографии на “столицы” и “остальную Россию” во многом отражает еще более высокий “столицецентризм” в размещении научных кадров. Ведь преподаватели вузов обеспечивают высокий уровень подготовки студентов в первую очередь тогда, когда наблюдается активная циркуляция кадров между вузами и научными организациями.

Во всем современном мире преподаватели вузов и научные работники образуют относительно единое научное сообщество. В постсоветской России тоже стало нормой, когда квалифицированный научный работник “подрабатывает” преподаванием в вузе, а после ухода на пенсию – вообще уходит на преподавательскую работу. Вузовские преподаватели заметно реже “подрабатывают” в научных организациях, хотя участие в грантовых научных исследованиях постепенно получает широкое распространение.

В целом научные и научно-педагогические кадры циркулируют между научными организациями и высшими учебными заведениями, как вода в сообщающихся сосудах. Однако при этом научные кадры сохраняют в целом более высокий уровень знаний и навыков интеллектуального труда, поскольку их деятельность по определению направлена на продуцирование инноваций. Научно-педагогические кадры заняты не столько генерированием инноваций, сколько их тиражированием, потому их креативные качества обычно ниже.

Чтобы обеспечить высокое качество высшего образования, очень важно чтобы вузовские преподаватели минимально отличались по своим креативным качествам от научных работников. Это легче обеспечить в столичных городах, где находятся центры не только высшей школы, но и Большой Науки, которые формально и неформально взаимодействуют друг с другом. Гораздо хуже складывается ситуация в “глубинной” России, где наряду с низкой плотностью сети вузов наблюдается еще более низкая плотность сетей научных организаций.

Развитие не только российской науки, но и отечественного высшего образования сильно тормозится тем, что немногие крупные города России концентрируют большую долю научных кадров, в несколько раз превышающую их долю в общей численности занятых в народном хозяйстве. Здесь мы видим все тот же феномен “столицецентризма”. В результате происходит, с одной стороны, обеднение периферийных регионов человеческим капиталом, с другой – недоиспользование национального человеческого капитала. “Собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов”, видимо, могут в принципе порождать в равной степени (пропорционально численности населения)

и столица, и любой “провинциальный” город. Но реализоваться в качестве “Платона” или “Невтона” провинциалу в России многократно труднее, чем столичному жителю. Талантливые “кулибины” из периферийных регионов имеют более низкие возможности специализироваться в сфере науки, чем работники крупных городов. Поскольку студенты периферийных регионов получают образовательные услуги от преподавателей, более замкнутых в вузовской среде и менее связанных с “настоящей” наукой, многим студентам не удается развить и реализовать свои креативные способности.

Рассмотрим, насколько велики в России социально-географические диспропорции в размещении научных кадров. Для этого сопоставим данные о дифференциации регионов по численности научных кадров с информацией о дифференциации регионов по численности занятых в экономике.

По социально-географической структуре (по месту работы и жительства³) разделим научных работников на три категории. Это работающие в:

– столичных городах-мультимиллионерах (Москва, Санкт-Петербург) и прилегающих районах;

– 10 крупных мегаполисах-миллионерах (Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара, Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа, Волгоград) и прилегающих к ним районам;

– в других городах и районах.

Выделение, кроме двух общероссийских столиц еще и 10 крупных “столиц регионов”, необходимо, чтобы проверить, распространяется ли эффект “столицецентризма” на все *крупные* города или только на *крупные столичные* города.

Для анализа социально-географической структуры можно использовать две базы статистических данных: доведенную только до 2004 г. базу данных о работниках, занятых в сфере науки и научного обслуживания, доведенную до настоящего времени базу данных о численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками⁴. Анализ первой базы данных подтверждает, что как в СССР, так и в постсоветской России 1990–2000-х гг. наблюдалась гипертрофированная концентрация научных кадров в двух крупнейших столичных центрах – Москве и Санкт-Петербурге (см. табл. 5).

В 1995 г. в Москве и Санкт-Петербурге работали почти половина (45,9%) всех занятых в сфере науки и научного обслуживания при лишь примерно десятой доле (11,4%) общей численности занятых в экономике. Это значит, что доля научных кадров, приходящихся на эти два города-мультимиллионера, в четыре раза превышала приходящуюся на них долю занятых в экономике. К 2000 г. приходящаяся на эти два города-мультимиллионера доля общей численности занятых незначительно возросла (на 1,1 процентных пункта), в то время как доля численности научных кадров в этих городах незначительно снизилась (на 0,6 процентных пункта – только за счет Санкт-Петербурга, в то время как в Москве данный показатель даже вырос). В дальнейшем эта слабая тенденция продолжала действовать, поскольку в период экономического роста 2000-х гг. занятость в науке росла медленнее, чем в других отраслях экономики с более высокими доходами. Однако и в 2004 г. доля научных кадров, приходящихся на два города-мультимиллионера (44,1%), почти в 3,5 раза превышала приходящуюся на них долю занятых в экономике (12,8%).

³ Строго говоря, возможны ситуации, когда место жительства качественно отличается от места работы (например, ученый работает в Москве, а живет в Туле или Владимире). Однако при реальном состоянии российской дорожно-транспортной системы, а также с учетом последствий советского института прописки такие ситуации – редкое исключение.

⁴ При расчете численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в него включаются не только лица, полностью занятые этим видом деятельности, но также те, кто занят исследованиями лишь часть времени (преподаватели вузов, консультанты, аспиранты и др.). Поэтому данный показатель менее точно характеризует научные кадры, чем показатель численности работников, занятых в сфере науки и научного обслуживания.

**Динамика концентрации в столичных городах и регионах
работников, занятых в сфере науки и научного обслуживания**

Столичные центры	1995 г.				2000 г.			
	Тыс. чел.		%		Тыс. чел.		%	
	Заня- тые в эконо- мике	Заня- тые в науке	Заня- тые в эконо- мике	Заня- тые в науке	Заня- тые в эконо- мике	Заня- тые в науке	Занятые в эконо- мике	Занятые в науке
Москва	5207	575	7,9	34,1	5653	418	8,8	34,8
Московская область	2479	194	3,7	11,5	2445	133	3,8	11,1
Санкт-Петербург	2347	200	3,5	11,8	2384	126	3,7	10,5
Ленинградская область	692	12	1,0	0,7	711	9	1,1	0,7
Россия в целом	66 330	1688	100,0	100,0	64 516	1201	100,0	100,0
Столичные центры	2002 г.				2004 г.			
Москва	5834	386	8,9	32,7	6079	386	9,2	33,1
Московская область	2494	135	3,8	11,4	2690	133	4,1	11,4
Санкт-Петербург	2412	121	3,7	10,2	2415	128	3,6	11,0
Ленинградская область	718	9	1,1	0,8	734	9	1,1	0,8
Россия в целом	65 574	1181	100,0	100,0	66 407	1165	100,0	100,0

Составлено по [Труд...2003, табл. 9.11, 9.19, 9.27, 9.31; Труд... 2005, табл. 3.10, данные по занятым в науке; Регионы... 2010, табл. 4.2, данные по занятым в экономике].

Гипертрофированное развитие занятости в сфере науки и научного обслуживания наблюдается также в Московской области: если в 1995 г. в ней были заняты 3,7% от общего числа занятых в экономике и 11,5% от общего числа занятых в науке и научном обслуживании, то в 2004 г. эти показатели составили 4,1% и 11,4%. Московская область представляет собой наукополис, который по численности занятых в сфере науки превосходит Санкт-Петербург, нашу “вторую столицу”. Любопытно, что Ленинградская область таким наукополисом не является: приходящаяся на эту область доля работников сферы науки и научного обслуживания заметно ниже доли занятых в экономике.

Проверим теперь гипотезу, что в 10 крупных городах-миллионерах (“столицах регионов”) доля от общей численности занятых в науке тоже будет существенно превышать долю от общей численности занятых в народном хозяйстве. Проверка этой гипотезы осложняется тем, что Госкомстат в статистических данных по регионам не отделяет информацию о крупных городах-райцентрах от информации о соответствующих районах (например, данные о Нижнем Новгороде от данных по Нижегородской области). Поэтому для анализа концентрации научных кадров в региональных крупных городах сопоставим данные по удельному весу научных кадров и по удельному весу занятых в народном хозяйстве не для 10 крупных городов, а для 10 соответствующих административных образований. Такой прием ведет, скорее всего, к занижению оценки масштабов концентрации, но для качественной оценки явления в целом этого будет достаточно.

Статистические данные демонстрируют (см. табл. 6), что гипертрофированная концентрация научных кадров в областях (республиках) с крупными городами-миллионерами наблюдается редко. Лишь в двух областях, Новосибирской и Нижегородской, доля от занятых в российской науке оказалась существенно (соответственно в 1,4 и 1,7 раза) выше доли от занятых в народном хозяйстве России. Высокую долю научных кадров именно в этих двух регионах следует рассматривать как результат сознательной политики советского периода. Так, в Горьковской области размещались

**Динамика концентрации в 10 районах с городами-миллионерами
работников, занятых в сфере науки и научного обслуживания**

Районы	1995 г.				2000 г.			
	Тыс. чел.		%		Тыс. чел.		%	
	Заня- тые в эконо- мике	Заня- тые в науке	Заня- тые в эконо- мике	Заня- тые в науке	Заня- тые в эконо- мике	Заня- тые в науке	Заня- тые в эконо- мике	Заняты в науке
Волгоградская область	1274	8	1,9	0,5	1154	6	1,8	0,5
Нижегородская об- ласть	1817	70	2,7	4,1	1659	49	2,6	4,1
Новосибирская об- ласть	1228	46	1,8	2,7	1130	32	1,8	2,7
Омская область	966	13	1,5	0,9	958	11	1,5	0,9
Республика Башкор- тостан	1837	18	2,8	1,1	1746	15	2,7	1,2
Республика Татарстан	1728	28	2,6	1,7	1695	20	2,6	1,7
Ростовская область	2007	34	3,0	2,0	1870	21	2,9	1,7
Самарская область	1581	30	2,4	1,8	1471	18	2,3	1,5
Свердловская область	2044	45	3,1	2,7	1988	32	3,1	2,7
Челябинская область	1576	31	2,4	1,8	1582	22	2,5	1,8
Россия в целом	66 330	1688	100,0	100,0	64 516	1201	100,0	100,0
Районы	2002 г.				2004 г.			
Волгоградская область	1245	5	1,9	0,4	1244	7	1,9	0,6
Нижегородская об- ласть	1670	52	2,5	4,4	1712	53	2,6	4,4
Новосибирская об- ласть	1134	32	1,7	2,7	1205	31	1,8	2,6
Омская область	951	12	1,5	1,0	929	11	1,4	0,9
Республика Башкор- тостан	1769	13	2,7	1,1	1789	11	2,7	0,9
Республика Татарстан	1723	21	2,6	1,8	1754	19	2,6	1,6
Ростовская область	1895	21	2,9	1,8	1894	21	2,9	1,7
Самарская область	1552	30	2,3	2,5	1586	28	2,4	2,3
Свердловская область	2039	32	3,1	2,7	2089	34	3,1	2,8
Челябинская область	1573	22	2,4	1,9	1662	24	2,6	2,0
Россия в целом	65 574	1181	100,0	100,0	66 407	1201	100,0	100,0

Составлено по [Труд... 2001, табл. 2.6; Труд...2005, табл. 3.10, данные по занятым в науке; Регионы... 2001, табл. 3.2; Регионы... 2003, табл. 3.2, данные по занятым в экономике].

многие научные организации ВПК, включая, например, Арзамас-16 (ныне Саров) с ядерным центром – ВНИИЭФ. Новосибирск же стал наукоградом после эвакуации сюда во время Великой Отечественной войны многих научных организаций из Санкт-Петербурга и строительства в 1950-е гг. Академгородка.

Во всех остальных регионах с городами-миллионерами доля занятых в науке оказалась существенно ниже доли занятых в народном хозяйстве. Приблизительное равенство этих показателей наблюдается только в Свердловской и Самарской областях (возможно, для Екатеринбурга и Самары доли этих городов в числе занятых в науке будут несколько превышать их доли в общем числе занятых). Очевидно, что в тех регионах России, где нет городов-миллионеров, общим правилом будет еще более слабое развитие занятости в сфере науки и научных кадров.

**Динамика концентрации в городах-мультимиллионерах,
прилегающих к ним областях и 10 районах с городами-миллионерами,
персонала, занятого научными исследованиями и разработками
(научного персонала)**

Регионы России	1995 г.				2000 г.			
	Научный персонал		Занятые в экономике		Научный персонал		Занятые в экономике	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс.чел.	%
Московская область	110	10,4	2479	3,7	101	11,4	2445	3,8
Москва	337	31,8	5207	7,9	277	31,2	5653	8,8
Ленинградская область	7	0,7	692	1,0	6	0,7	711	1,1
Санкт-Петербург	141	13,3	2347	3,5	98	11,0	2384	3,7
Волгоградская область	6	0,6	1274	1,9	5	0,6	1154	1,8
Нижегородская область	37	3,5	1817	2,7	48	5,4	1659	2,6
Новосибирская область	31	2,9	1228	1,8	25	2,8	1130	1,8
Омская область	10	0,9	966	1,5	9	1,0	958	1,5
Республика Башкортостан	14	1,3	1837	2,8	10	1,1	1746	2,7
Республика Татарстан	21	2,0	1728	2,6	16	1,8	1695	2,6
Ростовская область	26	2,5	2007	3,0	18	2,0	1870	2,9
Самарская область	24	2,3	1581	2,4	26	2,9	1471	2,3
Свердловская область	32	3,0	2044	3,1	28	3,2	1988	3,1
Челябинская область	17	1,6	1576	2,4	16	1,8	1582	2,5
Россия в целом	1061	100,0	66 330	100,0	888	100,0	64 327	100,0
Регионы России	2004 г.				2008 г.			
Московская область	91	10,8	2690	4,1	84	11,0	2947	4,3
Москва	258	30,8	6079	9,2	247	32,5	6593	9,6
Ленинградская область	6	0,7	734	1,1	6	0,8	744	1,1
Санкт-Петербург	90	10,7	2415	3,6	82	10,8	2472	3,6
Волгоградская область	4	0,5	1244	1,9	4	0,5	1259	1,8
Нижегородская область	50	6,0	1712	2,6	43	5,7	1766	2,6
Новосибирская область	25	3,0	1205	1,8	22	2,9	1271	1,9
Омская область	10	1,2	929	1,4	7	0,9	948	1,4
Республика Башкортостан	9	1,1	1789	2,7	8	1,1	1837	2,7
Республика Татарстан	15	1,8	1754	2,6	13	1,7	1814	2,6
Ростовская область	15	1,8	1894	2,9	16	2,1	1931	2,8
Самарская область	24	2,9	1586	2,4	20	2,6	1591	2,3
Свердловская область	27	3,2	2089	3,1	21	2,8	2093	3,1
Челябинская область	19	2,3	1662	2,6	15	2,0	1696	2,5
Россия в целом	839	100,0	66 407	100,0	761	100,0	68 474	100,0

Составлено по [Регионы... 2010, табл. 22.2].

Таким образом, кроме Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области, повышенный уровень занятости в сфере науки явно наблюдается только в двух регионах России, причем в обоих случаях – как наследие советского периода. Два крупных города-мультимиллионера с развитой инфраструктурой и прилегающие к ним области в 2004 г. концентрировали 56,3% научных кадров России, хотя в них работали лишь 18,0% занятых в народном хозяйстве. В восьми районах России с городами-миллионерами (все перечисленные в таблице 6 кроме Новосибирской и Нижегородской обла-

стей), где тоже могла бы существовать современная научная инфраструктура, в 2004 г. работали 19,6% всех занятых в экономике, но там находились лишь 12,8% научных кадров. В районах без крупных городов-миллионеров диспропорция между долями в занятости и долями в общем количестве научных кадров должна быть, как правило, еще сильнее.

Рассмотрим теперь вторую базу данных – информацию о численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками (см. табл. 7). Как свидетельствует статистика, два крупных столичных города-мультимиллионера в 1995 г. и в 2008 г. притягивали, соответственно, 45,1% и 43,3% всего научного персонала, хотя в них работали только 11,4% и 13,2% занятых в российской экономике. Если прибавить к данным по Москве и Санкт-Петербургу данные по Московской области, то в 2008 г. эти три региона концентрировали 54,3% научного персонала при 17,5% занятых в экономике. За 1995–2008 гг. эффект гипертрофированной концентрации научных кадров в столицах практически не изменился. Из областей и республик с городами-миллионерами аналогичный эффект в ослабленной форме, как и по предыдущей базе данных, демонстрируют только Нижегородская и Новосибирская области.

Из анализа обеих баз данных – работников, занятых в сфере науки и научного обслуживания, за 1995–2004 гг. и персонала, занятого научными исследованиями и разработками, за 1995–2008 гг. – следует единый вывод: негативная диспропорция социально-географической структуры научных кадров России оставалась относительно стабильной на протяжении всех 1990–2000-х гг.

Детерминанты диспропорций социально-географической структуры

Гипертрофированную концентрацию научных кадров в российских столичных городах-мультимиллионерах, которая снижается очень медленно, следует объяснять в первую очередь низким производственным спросом на инновации. Социально-географическое распределение занятости в сфере науки может осуществляться согласно двум разным системным принципам. Если финансирование науки зависит, главным образом, от покровительства государственной администрации, ученые работают в основном на государство, то центры науки и высшего образования будут совпадать с административными центрами. Типичный пример – университеты и научные общества в странах Западной Европы Средневековья и Нового времени, которые, как правило, находились в столицах (Парижский университет, Пражский университет и др.) или недалеко от них (Оксфордский и Кембриджский университеты в Великобритании).

Если же финансирование науки существенно зависит от бизнеса и ученые работают в значительной степени по заказам бизнес-структур, то центры науки начинают совпадать с центрами деловой активности. Примеры – многочисленные, разбросанные по всей стране университеты США, многие из которых связаны с инновационными кластерами. Например, Стэнфордский университет связан с центром производства наукоемких технологий Силиконовой долиной, тогда как столица страны – Вашингтон – расположен в противоположном конце страны. Чтобы представить децентрализованность развития науки и высшего образования США, можно вспомнить хотя бы знаменитую ЧиВирЛу: три “знаковых” университета страны, являющиеся главными центрами экономической мысли. Они разбросаны по разным краям страны – на Севере (Чикагский университет), Юге (Вирджинский университет) и Западе (Лос-Анджелесский университет). В современной Франции, наряду со “старой” Сорбонной в Париже и окрестностях, новые научно-образовательские центры сложились в “провинциальных” Тулузе и Гренобле. Схожие процессы отделения научно-образовательных центров от административных начались и в некоторых развивающихся странах (можно вспомнить, например, “провинциальный” Бангалор в Индии).

Когда в национальной экономике наука и высшее образование развиваются “под крылом” государства, в стране обязательно наблюдается высокая концентрация цен-

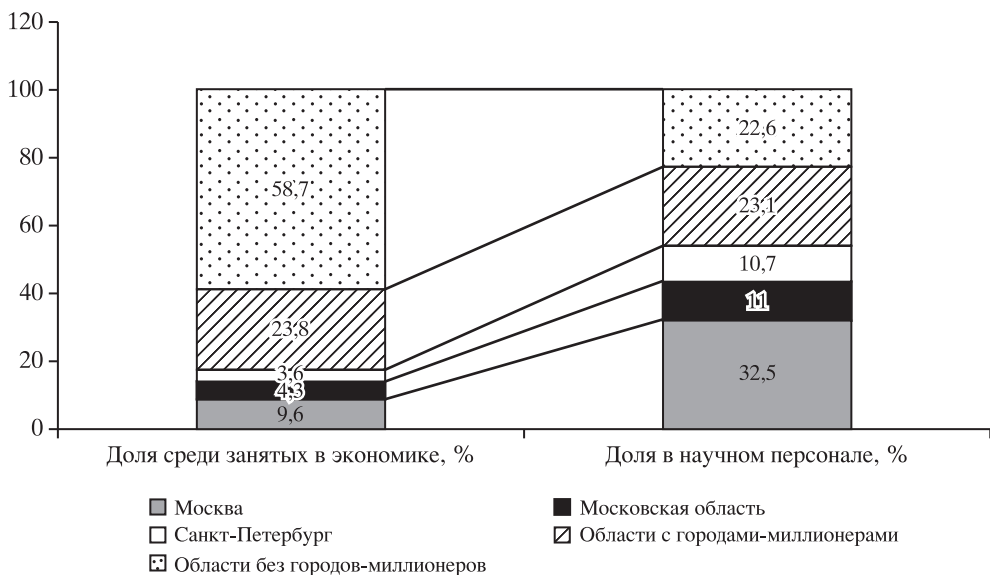

Рис. 1. Географическая концентрация научных кадров в России (2008 г.).

тров науки и высшего образования в одном-двух столичных мегаполисах⁵. Многочисленность центров науки и высшего образования – показатель их автономности от государственного патернализма (особенно, для стран с крупной территорией).

Между тем, хотя Россия относится к числу крупнейших (по территории) стран мира, социально-географическое распределение работников, занятых в сферах науки и высшего образования, характеризуется в ней очень высоким уровнем концентрации (см. рис. 1 и 2). Это соответствует модели общества со слабыми взаимосвязями между бизнесом и наукой. Конечно, в некоторой степени наш “столицецентризм” – наследие императорской и советской эпох, когда все ресурсы страны (включая и научные кадры) стягивались в столицу (сначала в Санкт-Петербург, а затем в Москву). Но высокая устойчивость “столицецентризма” – не только эффект зависимости от предшествующего развития, но и результат действия уже постсоветских “правил игры”.

Высокая устойчивость сформировавшейся в советскую эпоху привязанности научных и вузовских организаций к столицам, а не к центрам реального производства, объясняется тем, что российский бизнес в условиях рентаориентированного развития формирует *низкий производственный спрос на инновации*. Характерно, что хотя главный источник предпринимательских доходов – разработка нефтегазовых месторождений Сибири, в крупных городах сибирского региона, связанных с топливно-энергетическим комплексом (таких как, например, Тюмень и Нижневартовск), нет крупных научных центров. Самый крупный наукополис Сибири – Академгородок Новосибирска – никак не связан с топливно-энергетическим комплексом и является рудиментом советской эпохи. Следует, правда, отметить, что концентрация научно-педагогических (вузовских) кадров заметно ниже концентрации научных кадров. Однако в целом социальная география в сфере высшего образования примерно та же, что и в сфере науки.

В 1995 г. значительное превышение доли региона в численности профессорско-преподавательского состава (ППС) над долей региона в численности занятых в экономике наблюдалось в трех легко предсказуемых регионах России: в Москве (19,0% ППС при 7,9% занятых в экономике – превышение в 2,4 раза), в Санкт-Петербурге

⁵ Некоторые страны в силу исторических обстоятельств имеют не один, а два или более крупных города, выполняющих в той или иной степени функции столицы (например, в Турции – Анкара и Стамбул, в Польше – Варшава и Краков).

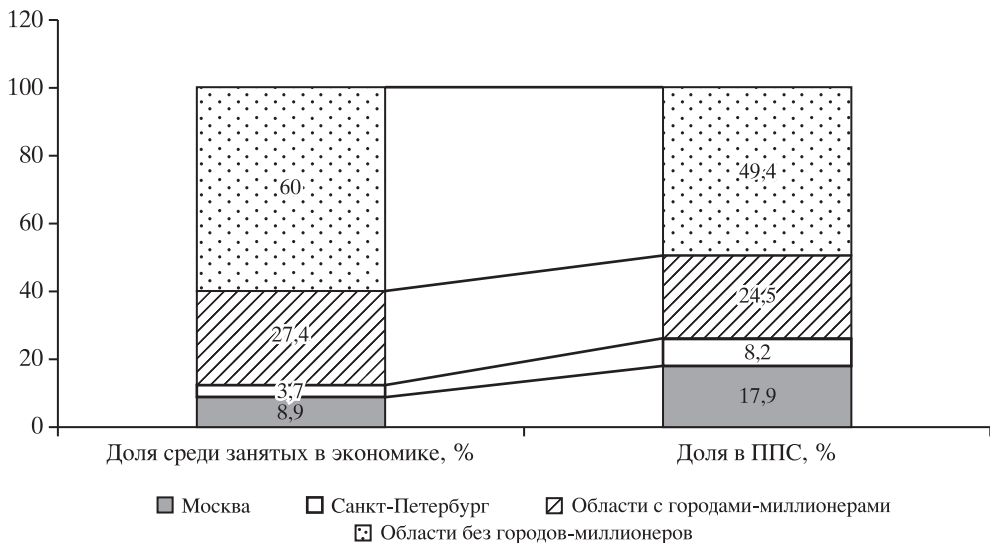

Рис. 2. Географическая концентрация научно-педагогических кадров в России (2002 г.); к областям с городами-миллионерами отнесены также Московская и Ленинградская области.

(9,0% ППС при 3,5% занятых в экономике – превышение в 2,6 раза) и в Новосибирской области (2,4% ППС при 1,8% занятых в экономике – превышение в 1,3 раза). В 2002 г. ситуация в основном сохранилась: значительное превышение доли региона в численности ППС над долей региона в численности занятых в экономике наблюдалось по-прежнему только в Москве (17,9% ППС при 8,9% занятых в экономике – превышение в 2 раза), в Санкт-Петербурге (8,2% ППС при 3,7% занятых в экономике – превышение в 2,2 раза) и в Новосибирской области (2,2% ППС при 1,7% занятых в экономике – превышение в 1,3 раза).

Более низкая концентрация научно-педагогических кадров в столичных мегаполисах России объясняется тем, что на социальную географию российских вузов влияет не только слабый спрос на инновации со стороны российского бизнеса, но и постоянно растущий спрос на высшее образование со стороны молодежи. В России из-за низкой географической мобильности молодые люди предпочитают получать высшее образование в тех же регионах, где они закончили школу. Поэтому географическое распределение научно-педагогических кадров сильнее, чем у научных кадров, приближено к географическому распределению работников. Однако это ослабление “столицентризма” во многом мнимо: из-за слабости связей со сферой науки “провинциальные” вузы часто дают и “провинциальное” образование – менее качественное, чем в столичных вузах.

Как отремонтировать “социальный лифт” высшего образования?

Какова может быть технология выравнивания шансов, связанных со сферой высшего образования? Для ответа на этот вопрос рассмотрим сначала опыт некоторых других стран, также столкнувшихся с проблемой “столицентризма” в доступе к высшему образованию. Чаще всего с этим сталкиваются, конечно, развивающиеся страны. Например, в Индии на долю четырех южных штатов и штата Махараштра приходится не более 32% населения Индии, но при этом именно здесь расположено около 60% институтов [Sahni, Kale, 2004, p. 2175]. В Китае подавляющая часть инфраструктуры высшего образования сосредоточена в восточных (приморских) регионах [Educational... 2004]. Аналогичные проблемы есть и у некоторых развитых стран с

высокой неравномерностью развития разных регионов. Например, в Италии наблюдается сильная диспропорция высшего образования между высокоразвитыми северными и отстающими южными регионами [Bratti, Checchi, De Blasio, 2008].

Правительство и ученые стран, страдающих от гипертрофированной концентрации высшего образования, настойчиво ищут подходы, призванные решить проблему социально-географической доступности образования. Китайский опыт во многом близок к российскому: здесь вузы тоже – государственные (в России много негосударственных вузов, но “погоды” они не делают), для стимулирования высшего образования акцент сделан на развитии ведущих (так называемых национальных) университетов. Исследуя последствия образовательных реформ последних лет, китайские ученые обратили внимание, что реформы смогли успешно решить только *количественную* проблему социального неравенства в образовании, переведя высшее образование из категории элитарного ресурса в категорию массового блага. В то же время *качественная* сторона проблемы, на решение которой было направлено создание сети национальных университетов, решена вовсе не была. Результатом реформы стал еще больший разрыв между высокоразвитым прибрежным восточным регионом Китая с его двумя крупнейшими городами (Пекин и Шанхай) и всей остальной территорией с гораздо более низким уровнем развития [Yao, Wu, Su, 2008].

Индийские ученые изучают возможность расширения доступа к высшему образованию молодежи различных регионов посредством использования возможностей Генерального соглашения по торговле услугами, подписанного во время Уругвайского раунда (1986–1993 гг.) многосторонних торговых переговоров в рамках ГАТТ. Эти возможности связаны с привлечением своего рода иностранной помощи, когда крупные зарубежные вузы создают свои филиалы (по типу Американского университета в Москве) и предоставляют услуги высшего образования на платной основе. Однако ученые Индии склонны считать, что в условиях сильных межрегиональных различий коммерциализация высшего образования скорее усугубит проблему, чем поможет ее решению. Ведь международные институты, вероятнее всего, предпочтут осваивать те области и регионы страны, которые уже имеют необходимую образовательную инфраструктуру [Sahni, Kale, 2004].

В Италии в 1990-х гг. большая дифференциация в образовательных возможностях отстающих южных регионов страны и высокоразвитых северных территорий стала причиной принятия ряда законов с целью уменьшения неравенства в доступе к высшему образованию. В соответствии с принятыми законами произошло дробление наиболее крупных университетов Рима, Неаполя и Милана. Одновременно было профинансировано расширение инфраструктуры высшего образования менее крупных университетов (с акцентом на охват южных регионов), которые смогли открыть новые филиалы и новые факультеты [Bratti, Checchi, De Blasio, 2008]. В результате неравенство в доступе молодых итальянцев к высшему образованию хотя и снизилось в количественном аспекте, но вполне сохранилось в качественном: лучшие академические вузы Италии по-прежнему сконцентрированы в центре страны (Рим) и, главным образом, на севере (Болонья, Турин, Милан, Падуа) [Ciriaci, Muscio, 2010].

Что касается отечественного опыта, то можно вспомнить, например, советский опыт, когда была предпринята попытка расширения доступности образования за счет административных мер по регулированию состава зачисляемых в вузы, в частности льгот для выходцев из села, для поступающих по направлениям предприятий и колхозов. Это мероприятие принесло довольно эфемерные результаты [Константиновский, 2010, с. 63]. В настоящее время сохраняется практика льготного порядка поступления в вузы, включая столичные, молодых людей из некоторых слаборазвитых регионов страны (например, из республик Северного Кавказа). Результаты этой практики пока трудно назвать успешными, поскольку молодые люди часто используют “столичное” образование, чтобы “закрепиться” в столице, причем совсем не обязательно в научных сферах.

Следует отметить, что в 2000-е гг. под влиянием общего социально-экономического подъема все же наблюдалась слабая тенденция к ослаблению географической концентрации научных кадров. В 1995 г. в двух столичных мегаполисах работали почти половина (45,9%) всех занятых в сфере науки и научного обслуживания при лишь примерно десятой доле (11,4%) общей численности занятых в экономике, так что первый показатель превышал второй в 4 раза. В 2008 г. доля научных кадров, приходящихся на эти два города-мультимиллионера (43,2%), превышала приходящуюся на них долю занятых в экономике (13,2%) уже только в 3,3 раза. Очевидно, в условиях высокого экономического роста 1999–2007 гг. в более развитых регионах научные организации получали финансовую поддержку от местного бизнеса и местных органов власти, поэтому их сокращение происходило несколько медленнее, чем в столичных мегаполисах.

Перспективы 2010-х гг. для снижения “столицентризма” довольно неопределенны. С одной стороны, ориентация на поддержку крупных региональных вузов, получивших статус федеральных университетов (Южный в Ростове-на-Дону, Сибирский в Краснодаре, Дальневосточный в Хабаровске и т.д.), объективно направлена на снижение “столицентризма” вузовской системы. С другой стороны, реализация проекта “Сколково” объективно приведет к тому, что концентрация научных и научно-педагогических кадров в Москве и Московской области еще более возрастет.

Однако самым существенным фактором развития “столицентризма” в сферах науки и высшего образования окажется, вероятнее всего, планируемая в самые ближайшие годы «расчистка» науки от нежизнеспособных организаций» в соответствии со “Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года” (“Инновационная Россия – 2020”). С высокой степенью вероятности следует ожидать, что сокращение будет происходить в больших масштабах в периферийных регионах и в меньших масштабах в столичных центрах (Москве и Санкт-Петербурге). Это связано с двумя обстоятельствами. С одной стороны, поскольку столичные мегаполисы обладают значительно лучшей научной и бытовой инфраструктурой, научные организации столичных регионов объективно обладают более высоким научным потенциалом. С другой стороны, поскольку в настоящее время в России наука относительно слабо связана с производством, главным неформальным критерием оценки “жизнеспособности” научных организаций неизбежно станет их “административный ресурс”, который также выше у столичных научных организаций, чем у региональных. Поэтому следует ожидать, что в ближайшие годы в России социально-географическая концентрация научных кадров возрастет. А это приведет к обострению проблемы обеспечения равного доступа к качественному высшему образованию в разных регионах страны.

“Столицентризм” системы высшего образования, таким образом, остается институтом, который еще долго будет оказывать негативное влияние на политику снижения социального неравенства в России. Магистральный путь решения этой проблемы, по нашему мнению, заключается в децентрализации развития науки, создании условий для “подпитки” региональных профессорско-преподавательских кадров из региональных научных кадров. Но для этого, в свою очередь, необходимы качественные изменения во взаимоотношениях науки и бизнеса, появление реальной заинтересованности российских предпринимателей всех регионов России в инновациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
Константиновский Д.Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99) (http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/99/2010_5%2899%29_4_Konstantinovskii.pdf).
Образование в Российской Федерации: 2006. М., 2006.
Образование в Российской Федерации: 2010. М., 2010.
Образование в Российской Федерации: 2011. М., 2011.

Понов Д.П. Влияние ЕГЭ на решение проблемы доступности высшего образования (<http://ego.uara.ru/issue/2010/02/12/>).

Регионы России. Социально-экономические показатели: 2001. Т. 2. М., 2001 (<http://www.gks.ru>).

Регионы России. Социально-экономические показатели: 2003. М., 2003 (<http://www.gks.ru>).

Регионы России. Социально-экономические показатели: 2010. М., 2010 (<http://www.gks.ru>).

Смелзер Н. Социология. М., 1998.

Старцев Б. “В сильных вузах прием улучшился, в слабых – ухудшился” (14.09.2011) (<http://www.hse.ru/news/avant/35349562.html>).

Труд и занятость в России: 2001. М., 2001.

Труд и занятость в России: 2003. М., 2003.

Труд и занятость в России: 2005. М., 2005.

Bratti M., Checchi D., De Blasio G. Does the Expansion of Higher Education Increase the Equality of Educational Opportunities? Evidence from Italy // Labour. 2008. Vol.22 (<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-9914.2008.00411.x/full#ss9>).

Ciriaci D., Muscio A. Does University Choice Drive Graduates' Employability? // MPRA Paper № 22527. May 2010. (http://mpra.ub.uni-muenchen.de/22527/1/MPRA_paper_22527.pdf).

Educational Development in China // Chinese National Commission for UNESCO. 2004 (http://www.ibe.unesco.org/International/ICE47/English/Natreps/reports/china_ocr.pdf).

Sahni R., Kale S. GATS and Higher Education: Some Reflections // Economic and Political Weekly. 2004. Vol. 39. № 21.

Yao S., Wu B., Su F. The Impact of Higher Education Expansion on Social Justice in China: a Spatial and Intertemporal Analysis // University of Nottingham. China Police Institute. Discussion Paper 34. September 2008. (<http://www.nottingham.ac.uk/cpi/documents/discussion-papers/discussion-paper-34-higher-education-social-justice.pdf>).

© Н. Лагова, Ю. Латов, 2012